

Образование воссоздаёт главный ресурс — человеческий **Размышления над доктриной образования**

Олег СМОЛИН, заместитель председателя Комитета по образованию и науке
Государственной Думы

Нация, прекратившая жить большой идеей,
обречена на вымирание.

Ф.М. Достоевский

Как известно, обсуждение национальной доктрины образования ведётся давно. В этом обсуждении активное участие принимал депутат Государственной Думы Олег Николаевич Смолин (в частности, он выступал на парламентских слушаниях “О национальной доктрине развития образования Российской Федерации” летом 1998 г.). Мы предлагаем вам ознакомиться с мыслями депутата, характером этого важнейшего документа (статья даётся с большими сокращениями). У читателя есть возможность сравнить Смолинское видение доктрины и её реальное нынешнее содержание.

Под российской Национальной доктриной образования мы понимаем утверждённый федеральным законом, указом Президента или постановлением правительства официальный документ, устанавливающий статус образования как современного социального института, цели, ценности и основные направления его развития. Среди других позиций в этом документе непременно должны найти отражение и такие:

- образование — один из приоритетов современного общества;
- приоритетные направления развития самого образования;
- цели обучения и воспитания (желаемая модель человека, гражданина, работника, которую общество ждёт “на выходе” из школы, вуза, профучилища);
- стратификационные, социально-групповые ориентации системы образования (будет это узкий круг экономической и политической элиты или самые широкие слои народа);
- характер управления системой образования (государственный, государственно-общественный, общественно-государственный и т.п.).

В исторической ситуации стабильного развития или управляемых реформ логика формирования нормативно-правовой базы российского образования должна была бы выглядеть так: Национальная доктрина образования — Федеральная программа развития образования — Федеральный закон “Об образовании” — серия конкретизирующих его законодательных актов. Однако в условиях “шоковой терапии” и малых гражданских войн эта логика оказалась искажённой, направление законодательства — иным, едва ли не противоречащим логике. В 1992 г. принята первая редакция Закона РФ “Об образовании”; в 1994 г. Правительство РФ утвердило Федеральную программу развития образования, которая хронически не выполнялась и в конце концов в начале 1998 г. была отозвана из Государственной Думы.

Национальная доктрина образования ещё не принята, соответствующий законопроект только разрабатывается совместными усилиями профильных парламентских комитетов, Министерства образования, Российского Союза ректоров и Российской академии образования. Это не случайно, ибо в условиях коренной ломки прежней системы решение даже таких проблем, общенациональный характер которых очевиден, становится предметом острого столкновения социально-групповых интересов и политических конфликтов. Между тем необходимость в российской Национальной доктрине образования обусловлена общезначимыми национально специфическими факторами.

Если человечеству удастся избежать сценария развития, описанного так называемым парадоксом Ферми (т.е. тенденции технических цивилизаций к самоуничтожению), оно, вероятно, перейдёт от индустриализма к постиндустриализму — “информационному об-

щество”, “обществу знаний”. Практически все футурологи этого направления утверждали и утверждают, что одним из главных отличий пост-индустриальной цивилизации будет преобладание в составе населения дипломированных специалистов и учёных. Перспектива перехода, говоря словами российского законодательства, к общедоступному высшему и послевузовскому образованию потребует от каждой страны, не желающей отстать навсегда, разработки соответствующей **национальной доктрины и национальной стратегии**.

Категорически расходясь с пост-индустриалистами в оценке возможностей дальнейшей экономико-технологической экспансии человечества, экологически ориентированные глобалисты, начиная с теоретиков Римского клуба, соглашались, однако, со своими оппонентами в оценке исключительной важности образования. Только эта важность видится прежде всего не в вооружении человеческого интеллекта новыми операциональными возможностями, а в перестройке сознания. Цель инновационного обучения, по мнению теоретиков этого направления, состоит в том, чтобы, пока не поздно, воспитать человека, способного в условиях очередной бифуркации (перекрёстка цивилизационных дорог) сделать правильный выбор и следовать ему. Этот выбор различные авторы именуют по-разному: “стратегия выживания” (М.Месарович, Э.Пестель), “устойчивое развитие” (Г.Х. Брунтландт и официальные документы ООН), “развитие вместо роста” (Дж. Шелл), “стратегия человечества” (Н. Моисеев) и т.п. Однако при любом наименовании и существенном расхождении моделей стратегии предполагается, что **на смену нынешнему “экономическому человеку” должен прийти “человек экологический”**. А это требует уже не просто усилий государств, но и их (усилий) координации на основе определённой доктрины.

Помимо общецивилизационной бифуркации, в последнее десятилетие Россия переживает и свою собственную. Причём избранное её руководством направление развития едва ли не противоположно общемировому. В результате крушение советско-российской цивилизации сопровождается катастрофой, не имеющей себе равных в мирное время в истории XX в. (а точнее, пятью катастрофами: экономической, социальной, демографической, моральной, геополитической). Страна стоит перед выбором: либо ускоренная модернизация (что не тождественно вестернизации), либо переход в разряд стран “третьего мира” с шансами остаться среди них навсегда. В числе крайне ограниченных ресурсов, которыми располагает Россия после глубочайшего всеобщего кризиса, — всё ещё не разрушенный окончательно научно-образовательный потенциал. **Национальная доктрина образования призвана сделать его одним из краеугольных камней модернизации.**

Среди специалистов, поддерживающих идею разработки национальной доктрины образования, существует широкий спектр мнений насчёт того, кем и как она должна утверждаться, начиная от самых простых предложений утвердить доктрину постановлением правительства или указом Президента и заканчивая самыми экзотическими — сделать это на съезде духовных лидеров России. Мне представляется, что доктрина должна приниматься федеральным законом, проект которого должен быть обсуждён на съездах работников образования, а затем (скажем, между первым и вторым чтениями) “образовательным парламентом” — собранием депутатов всех уровней, занимающихся вопросами образования, а также руководителей федеральных и региональных органов управления образованием и представителей местного самоуправления. Заслуживает самого серьёзного внимания идея принятия российской национальной доктрины образования на общенародном референдуме.

Небезынтересная полемика по поводу предложения автора о возможности вынести доктрину на референдум развернулась на парламентских слушаниях в июне 1998 г. Сомнения в успехе такого референдума высказал президент Российской академии образования Н.Д. Никандров, мотивируя их тем, что по социологическим опросам проблемы образования не занимают в массовом сознании ведущих позиций, уступая по остроте восприятия проблемам уровня жизни, заработной платы, безработицы и т.п.

То, что проблемы образования массовое сознание не относит к числу наиболее острых, вполне объяснимо и в известном смысле может рассматриваться как факт положительный. Потребность в образовании, в отличие, например, от потребности в пище, одежде и т.п., не связана напрямую с физиологией человека, отсутствие заработной платы сказывается на непосредственной его жизни несравненно быстрее, чем плохое образование. Положительный же смысл этого факта в том, что он может рассматриваться и как косвенное свидетельство относительно более благополучного (а точнее, менее катастрофического) состояния системы образования по сравнению с другими социальными институтами. Однако это отнюдь не означает, что народ российский не осознаёт важности образования для будущего своих детей и страны в целом.

Национальная доктрина образования, в особенности в её ценностных аспектах, должна быть увязана с национальной идеей. Ю.В. Громыко и его соавторы по одному из проектов Национальной доктрины образования аргументируют эту мысль: “При обсуждении взаимосвязи будущего России и будущего образования речь может идти о трёх сценариях:

а) уровень образования снижается за счёт его хронического недофинансирования, невостребованности образованных людей;

б) уровень образования сохраняется достаточно высоким или даже повышается, но в силу отсутствия целей развития страны (отсутствия ответа на вопросы, куда стране двигаться) предполагается, что образованные люди сами определятся и найдут применение своим силам;

в) существуют стратегические цели развития страны на ближайшие 25 лет, — образование обеспечивает подготовку людей, осуществляющих достижение этих стратегических целей”.

И далее: “Для первого и второго сценариев никакой доктрины образования не требуется. Необходимость в доктрине появляется только в случае принятия задачи осознанной разработки третьего сценария” (*Громыко Ю.В. и др.* Национальная доктрина развития российского образования. Проект // Учительская газета. 1997. № 43).

Разумеется, можно спорить с авторами о количестве и характере возможных сценариев развития России, но нельзя не согласиться с тем, что без “национальной идеи” и связанной с нею стратегии развития страны разработка Национальной доктрины образования становится бесперспективной.

Потребность в смысле жизни — одна из фундаментальных потребностей человека. Общество не может долгое время эффективно развиваться в условиях ценностного вакуума либо ограничения набора ценностей внесоциальными (ценностями узко трактуемой частной жизни) или антисоциальными. При этом система ценностей нации (национальная идеология) нередко обретает форму национальной мифологии. Известный психолог Карл Юнг утверждал, что нация, утроившая свои мифы и своих богов, рано или поздно обречена на вырождение.

Яркую аргументацию той же идеи находим и у научного оппонента Карла Юнга — Эриха Фромма: “Я верю, что разум не может быть действенным, пока у человека нет надежды и веры. Гёте был прав, когда говорил, что глубочайшее различие между историческими периодами состоит в различии между верой и безверием, что все эпохи, в которых преобладает вера, — блестящи, возвышенны и плодотворны, тогда как эпохи преобладающего безверия проходят бесследно, поскольку никто не испытывает желания посвятить себя бесплодному делу. XIII век, эпоха Возрождения, эпоха Просвещения, несомненно, были эпохами веры и надежды. Боюсь, что западный мир XX столетия заблуждается насчёт того, не утратил ли он надежду и веру. Воистину, где нет веры в человека, вера в машины не спасёт нас от гибели; наоборот, такая “вера” лишь ускорит конец” (*Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 373).

Как показывает опыт всех революций нового и новейшего времени, закономерностью для любой из них была повышенная мифологизация общественного сознания. Любая революция отмечена выдвижением “великой идеи” — относительной продуктивной утопии.

В этом отношении новейшая российская революция 90-х гг. явно проигрывает своим предшественницам. На это обратил внимание выдающийся скульптор Эрнст Неизвестный, указавший на то, что рынок сам по себе не может быть вдохновляющей национальной идеологией. Он закончил свою статью в популярном журнале странным с виду пожеланием к революционерам новейшей формации: “Хорошего вам мифа, господа!” Пожелание, увы, осталось нереализованным: “великой идеи”, относительной продуктивной утопии революция 90-х годов так и не создала.

В каждой из распространённых идеологических ориентаций, борющихся в настоящее время в России, есть некое рациональное зерно, однако ни одна не может приниматься в “чистом виде” в качестве национальной идеи и не способна создать продуктивного мифа, привлекательного для большинства.

Либерально-западническая ориентация (точнее, либерально-американистская, поскольку в западной цивилизации различие между американской и европейской культурами весьма существенно). Достоинства её в том, что именно в рамках либерализма разработаны такие ценности, ставшие сегодня общецивилизационными, как политическая свобода, плюрализм, права человека и т.п. Однако в русле отечественного варианта той же идеологии был создан и активно распространялся контрпродуктивный миф об ущербности России и русского народа. И хотя в разные времена этот миф имел совершенно различный исторический смысл и был представлен идеологами с совершенно различными гражданскими позициями (от П. Чаадаева до Ю. Афанасьева), тем не менее содержание мифа вряд ли позволяет породившей его либеральной идеологии претендовать на роль “национальной идеи”.

Консервативно-почвенническая ориентация (в хорошем варианте государственническая, в плохом — националистическая) довольно часто бывает связана с православием. Реже, но отнюдь не редко — с мифом об избранности русского народа, о “народе-богоносце”. Достоинства этой идейной ориентации столь же очевидны, как и её слабые стороны. К первым, безусловно, стоит отнести стремление сохранить отечественную культурную традицию (тогда как либеральные западники вольно или невольно с ней по-рывают) и защитить государственные интересы России (без чего невозможно восстановление экономики). Слабые стороны сторонников этой ориентации — претензии на исключительность, на монопольное право представлять государственную идеологию.

К этому стоит прибавить, что, вопреки распространённому мнению, абсолютное большинство граждан России не могут быть признаны православными в строгом смысле этого слова. Хотя, согласно некоторым опросам, таковыми признают себя свыше 50% всего населения, другие опросы показывают, что преобладающей религиозной ориентацией является, скорее, синкретизм, нередко включающий в себя наряду с православием причудливую смесь верований и суеверий (астрология, НЛЮ, экстрасенсы и т.п.).

Мистически-восточная ориентация — это различные варианты эзотеризма, оккультизма, разного рода синкретические верования. Несмотря на то что именно в контексте восточных культур (особенно индийской) накоплен чрезвычайно богатый опыт психофизиологической саморегуляции человека, опыт, элементы которого наверняка принесли бы пользу современному человеку вне зависимости от его культурной принадлежности, шансы этой идеологической ориентации стать основой российской “национальной идеи” близки к нулю. Почти невозможно представить себе, что большинство граждан России даже в условиях глубочайшего системного кризиса примет решение изменить веками складывавшуюся культурную идентичность.

Наконец коммунистическая ориентация, в рамках которой в своё время был разработан политический миф о предназначении России стать провозвестницей новой общественной формации — моделью будущего для всего человечества. Заведомо вызывая критику слева и справа, рискну тем не менее выдвинуть следующий тезис. Претензию марксизма на создание строго научной теории общественного развития удалось реализовать лишь частично — в аспекте исторического и социологического познания (с учётом того, что истина

в социогуманитарных науках, за редким исключением, может быть лишь относительной). Что касается глобального социально-политического прогноза, то, хотя Маркс и стремился избавить социальную науку от всякой мифологии и утопизма, это оказалось невозможно. Не только 150 лет назад, но и в настоящее время социальные науки не достигли такого уровня развития, когда бы они были в состоянии с абсолютной достоверностью предсказывать будущее.

Максимум того, что до сих пор удавалось социологам, — это разработать основные сценарии развития социальной системы и более или менее точно определить их вероятности. В действительности под маркой научного социализма последователи Маркса пропагандировали великую продуктивную относительную утопию. Этот тезис ввиду его явной дискуссионности нуждается хотя бы в коротком комментарии.

Резкие возражения слева вызовет утверждение о том, что марксистская футурология в её советской интерпретации представляла собою утопию. Однако главным аргументом в пользу этого утверждения может служить социальная реальность, которая в советскую эпоху принципиально разошлась с теорией, а в эпоху новейшую, “антисоветскую”, вторично показала проблематичность реализации марксистского социального идеала в данных исторических условиях.

Ещё более резкие возражения справа спровоцирует характеристика коммунистической утопии как относительной и продуктивной. Однако именно в “социалистический” период сокращён разрыв между наиболее развитыми странами и государствами “реального социализма” по сравнению с предреволюционным временем.

Серьёзное позитивное влияние социалистическое движение оказало на наиболее передовые в индустриальном отношении страны с точки зрения развития в них экономического регулирования, социальных гарантий, ограничения социального неравенства, повышения общеобразовательного и общекультурного уровня населения и т.п. Всё более распространяется (и в международных организациях) представление о том, что модель “потребительского общества” не реализуема для человечества в целом.

Несмотря на всё сказанное в пользу относительности и продуктивности коммунистической утопии, коммунистическая идеология в “чистом виде” вряд ли способна стать национальной российской идеей. Главная причина тому — закономерность революции как исторической ситуации и, в частности, революционное отрицание, стремление отречься от старого мира, разрушить его до основания, которое, несмотря на маятникообразное колебание общественных настроений, в конце концов не позволяет вернуться к прежней системе или идеологии как таковой.

Итак, очередной российский парадокс “смутного времени” состоит в том, что, с одной стороны, политические элиты и широкие слои народа всё острее ощущают необходимость объединяющей “национальной идеи”, а с другой — существующие религиозные и политические ориентации, скорее, разъединяют, чем объединяют нацию. И хотя очевидно, что в условиях постреволюционных руин и конфликтов зона гражданского согласия может быть весьма узкой, тем не менее не лишён смысла поиск такой идеологии, такой культурной ориентации, которая, не устраняя различий и противоречий по другим вопросам, могла бы быть принята хотя бы относительным большинством идеологически активного меньшинства и следующих за ним общественных групп.

Представляется, что наравне с другими заслуживает обсуждения следующая гипотеза: в современных российских условиях роль относительной продуктивной утопии (без которой, повторю, не достигала успеха ни одна крупная революция) мог бы сыграть миф о российской духовности или о духовно ориентированной российской цивилизации.

Под духовностью в данном случае понимается не определённый тип религиозного мировосприятия (духовность может быть как религиозной, так и безрелигиозной, атеистической) и не абстрактное представление о “духе народа”, характерное, например, для гегелевской философии. Напротив, духовность интерпретируется как исторически сформировавшийся тип культурной ориентации, при котором неутилитарные (“постматериаль-

ные”, человеческие) ценности занимают высокое место в ценностной иерархии общества и человека. Именно такой тип ориентации был характерен для российской культуры, причём как в досоветский, так и в советский периоды, для деятелей культуры разных политических направлений и религиозных верований.

Российская духовность представляет собой не только выражение особой национальной ментальности, но, ещё в большей степени, не разрушенное окончательно наследие традиционного общества. Как у любого другого народа, эта духовность может быть уничтожена либо в результате гипертрофированного развития технологической цивилизации, либо вследствие крайнего обнищания населения и варваризации условий его жизни. Основные аргументы в пользу того, что представление о духовно ориентированной российской цивилизации могло бы стать новой национальной идеей (или, по крайней мере, её составной частью), продуктивной относительной утопией, сводятся к следующему.

Во-первых, плюралистический характер идеи, её приемлемость для широкого спектра организаций и общественных групп. С идеей российской духовности могут согласиться представители всех основных конфессий, религиозно индифферентные группы населения и атеисты. Программы и выступления лидеров большей половины политически значимых общественных объединений убеждают в том, что эта идея в соответствующей интерпретации вполне может стать неким, хотя и весьма ограниченным, полем относительного согласия между ними. И, наконец, крушение мифа о быстром создании “потребительского общества” в России, перенасыщение информационных каналов пропагандой примитивного потребительства, голого прагматизма, не говоря уж о грубом насилии и о дезеротизированном сексе, создают сравнительно благоприятные условия для того, чтобы “маятник” качнулся в противоположную сторону — к духовным, человеческим ценностям.

Во-вторых, соответствие идеи духовно ориентированной цивилизации не только традициям отечественной культуры, но и перспективам развития человечества в целом. Ещё в середине XX в. появились явные признаки того, что современная модель цивилизации себя исчерпала или близка к этому. Не случайно уже первые доклады Римскому клубу произвели впечатление разорвавшейся бомбы на фоне радужных прогнозов приверженцев технологического оптимизма. Вывод о необходимости смены парадигмы цивилизационного развития подтвердила конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Современная цивилизация поставлена (или в обозримой перспективе будет поставлена) перед альтернативой: либо изменение вектора развития в пользу непотребительских (человеческих, духовных и т.п.) ценностей, либо глобальная катастрофа с мрачными последствиями, вплоть до возможного самоуничтожения. В таких условиях идея духовно ориентированной цивилизации выглядит уже не просто как продуктивная относительная утопия, но в ближайшие десятилетия может стать категорическим императивом.

Будучи продуктивной относительной утопией, миф о российской духовности, как и любой другой политический миф, содержит в себе наряду с мобилизационным потенциалом и немалые опасности для общества. Политическое руководство страны может представить, что модернизация не является для России насущной необходимостью. Эта идея в принципе может использоваться правящими общественными группами и в целях идеологического подавления естественного стремления большинства населения к более или менее нормальному уровню жизни. Поэтому продуктивность этой утопии в качестве “национальной идеи” относительна и может быть реализована лишь при условии её координации с национальной доктриной образования и серьёзной корректировки других направлений государственной политики.

Сформулирую несколько наиболее важных идей, которые могли бы войти в концептуальное ядро национальной доктрины образования.

Государство должно установить **статус образования как в основе своей нерыночного сектора**. Попытки превратить образование в простую “сферу обслуживания” потребностей рынка вообще, а российского “дикого рынка” с его разрушенными производст-

венными структурами — в особенности, неминуемо приведут к разрушению основ отечественной системы образования. Ввиду высокой длительности воспроизводственного цикла в образовании и его высокой инерционности восстанавливать разрушенные основы придётся десятилетиями.

Это не означает, что образование принадлежит к числу социальных институтов, лишь потребляющих ресурсы общества. Напротив, как уже неоднократно отмечалось, оно **воссоздаёт главный ресурс — человеческий**. Не случайно ряд крупных экономистов полагают, что инвестиции в образование в долгосрочной перспективе — самый выгодный вид вложений средств общества. Затраты на образование и должны рассматриваться как **инвестиции в будущее**.

Это означает, что государственные и частные инвестиции в образование должны наращиваться как в абсолютном, так и в относительном размерах (в процентах к валовому внутреннему продукту, расходной части бюджета и т.п.). В свою очередь, это потребует нового курса экономической политики в целом.

В отношении целей и содержания образования к числу ключевых для российской национальной доктрины могут быть отнесены как минимум следующие положения, в значительной их части уже зафиксированные в действующих федеральных законах.

1. Научность: разработка государственных образовательных стандартов и образовательных программ на основе устоявшихся научных парадигм и концепций; соответствие преподаваемого материала современным научным представлениям и критериям принадлежности к “актуальной культуре”.

2. Гражданственность и патриотизм: отбор материала (в особенности по гуманитарным предметам), а также организация учебного и воспитательного процесса таким образом, чтобы у обучающихся формировалось чувство любви к Отечеству, уважение к другим народам и государствам, стремление участвовать в делах общества, не ограничиваясь лишь эгоистическими интересами и т.п. Звучащие из самых высоких властных структур стандартные призывы типа “позаботься о себе, своей семье — и тем самым ты позаботишься о стране” способствуют ещё большей социальной атомизации и торжеству беспардонного прагматизма.

3. Светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. В условиях, когда представители различных конфессий и религиозно-философских течений стремятся всеми возможными путями внедриться в систему образования, принцип, установленный обеими редакциями Закона РФ “Об образовании”, нуждается в подтверждении на уровне национальной доктрины. Разумеется, в культурологическом плане в школе могут и должны изучаться история и содержание мировых религий и в первую очередь — традиционных для России. Однако открывать дорогу в государственные и муниципальные образовательные учреждения представителям конкурирующих конфессий и религиозных идеологий — значит рисковать появлением новых конфликтов или новых форм дискриминации обучающихся. Российское законодательство создаёт достаточно возможностей для того, чтобы религиозное обучение и воспитание для желающих могло осуществляться в негосударственном секторе образования.

4. Человековедческая направленность образования. Оставляя “чистым” теоретикам споры о терминах типа “гуманитаризация образования”, “гуманизация образования” и т.п., эта формулировка фиксирует главное: образование должно по возможности смягчить противоречия технической цивилизации, связанные с односторонним развитием наук о природе в ущерб наукам о человеке, с гипертрофированным рационализмом в ущерб нравственно-эстетическому и этическому развитию, должно содействовать реализации сократовского лозунга “Познай самого себя”. Подобная ориентация образования может реализоваться с помощью соответствующих предметов (этика, эстетика, человековедение и т.п.), а также путём насыщения человековедческим материалом ныне существующих курсов, причём не только гуманитарного, но также математического и естественнонаучного циклов. Предпочтительно сочетание обоих этих путей.

5. Сочетание обучения с разнообразными видами практики, начиная от физической культуры и обслуживающего труда и заканчивая практикой общественной деятельности. Без практики, без реального дела любое образование окажется односторонним, оторванным от жизни. Не случайно практической стороне образования уделялось и уделяется громадное значение самыми различными педагогическими системами (от Макаренко в СССР до ряда наиболее престижных учебных заведений в США и Японии).

6. “Инновационное обучение”. Этот термин, введённый теоретиками Римского клуба, предполагает подготовку детей и молодёжи к жизни в условиях будущей цивилизации. Речь идёт о предметах, не освоив которые человек окажется функционально неграмотным (например, информатика), и об изменении ценностного сознания таким образом, чтобы будущий гражданин мог жить, не уничтожая себе подобных и собственную планету (формирование толерантности, экологической культуры и т.п.).

С точки зрения реализации прав граждан на образование, российская национальная доктрина образования должна включить следующие концептуальные ориентиры государственной образовательной политики:

— расширение возможностей получения гражданами бесплатного образования, в том числе в перспективе — переход от общедоступности и бесплатности ко всеобщности полного среднего или начального профессионального образования, а также общедоступности образования высшего;

— создание дополнительных гарантий реализации права на образование для детей, оставшихся без попечения родителей, инвалидов, лиц с низкими доходами, в том числе путём квотирования учебных мест, облегчённой процедуры прохождения конкурса, социальных стипендий и т.п.;

— введение специальных нормативов, устанавливающих не только минимально допустимые параметры деятельности образовательной системы (например, 170 студентов на 10 тыс. граждан за счёт федерального бюджета), но и параметры оптимальные (например, показатели, достигнутые индустриально развитыми странами и т.п.).

В национальной доктрине образования в качестве стратегических ориентиров должны быть параметры развития образования, прогнозируемые специалистами для этой системы в постиндустриальном обществе (например, не менее 60% дипломированных специалистов и научных работников в составе занятого населения).

Что касается идеальной модели “продукта” системы образования, то в качестве её ориентира можно было бы признать квалифицированного работника, гражданина России, осознающего свою принадлежность к планетной цивилизации и долю ответственности за неё, личность с развитыми духовно-нравственными ориентациями. Разумеется, человек, сочетающий все эти качества в одном лице, есть некий “идеальный тип”, встречающийся в жизни сравнительно редко, а особенно редко — в последние годы российской истории. Однако наличие ориентира, выходящего за рамки решения чисто прагматических задач, даёт шанс системе образования хотя бы немного приближаться к нему, тогда как отсутствие долгосрочных целей не позволяет выбрать направление пути.

При обсуждении российской Национальной доктрины образования нередко высказывалась надежда, что её принятие положит конец финансово-экономическому кризису в образовании и предотвратит разрушение системы. И хотя надежда умирает последней, представляется, что принятие Национальной доктрины образования этих задач решить не может, как не смогли сделать этого указ Президента № 1 и действующие федеральные законы в области образования. По самой своей природе Национальная доктрина образования должна охватывать преимущественно долгосрочные цели и основные направления политики, ведущие к ним, но не срочные антикризисные меры, которым место, скорее, в федеральной программе развития образования.

Стремление защитить российское образование с помощью Национальной доктрины не является беспочвенным, хотя связывать его следует, скорее, с побочными, а не с непосредственными результатами её принятия. Дело в том, что принятие Национальной док-

трины может решить две главные задачи: настроить в пользу образования общественное мнение, средства массовой информации и значительную часть политической элиты, а также убедить или заставить тех, от кого зависит выбор курса социально-экономической политики, хотя бы частично скорректировать его в интересах образования.

Координация Национальной доктрины образования и “национальной идеи” должна быть двусторонней: не только доктрина — под “идею”, но и “идея” — под доктрину. Если, например, в качестве государственной стратегии принимается идея либерального капитализма (хотя либерального капитализма давным-давно нет в развитых странах — там он превратился в социальный), Национальная доктрина образования должна быть ориентирована исключительно на обслуживание рынка труда и на подготовку экономической и политической элиты из представителей истеблишмента. Если же в качестве национальной стратегии избирается переход в перспективе к постиндустриальной цивилизации, “альтернативной” цивилизации или духовно ориентированной цивилизации, образование должно рассматриваться в качестве самостоятельной ценности, а инвестиции в него — в качестве наиболее выгодного способа помещения капитала, рассчитанного на долгосрочную перспективу. При этом социальная эффективность таких инвестиций должна получить приоритет по сравнению с эффективностью экономической.

Что касается корректировки различных направлений государственной политики в соответствии с национальной доктриной образования, то уже сейчас можно назвать некоторые основные направления:

- поддержка отечественного товарного производства и прежде всего высокотехнологичных его отраслей. Это обеспечит востребованность высокообразованных, высококвалифицированных работников и модернизацию страны;

- стимулирование развития таких форм собственности, которые обеспечивают участие работника в распределении полученного дохода и управлении производством. Это также потребует от работника повышения уровня образования, причём не только профессионального, но и гражданского;

- система налогообложения, направленная одновременно на стимулирование производства и на ограничение социального неравенства, которое превзошло показатели, критические для национальной безопасности страны. При этом доходы, скажем, от “ноу-хау” должны облагаться иначе, чем доходы от спекуляции на вывозе сырья, доходы оперного театра — иначе, чем доходы от шоу-бизнеса, а доходы, использованные гражданами на получение образования, в отличие от затрат на престижное потребление — не облагаться вообще. Всё это имеет не только экономическое значение, но и моральное (государство демонстрирует, каким именно видам труда оно отдаёт приоритетное значение);

- регулирование оплаты труда, при котором её уровень в сферах, обеспечивающих воспроизводство и развитие человека (образование, медицина, наука, культура и т.п.), был бы, по крайней мере, не ниже, чем в сфере материального производства. Это не только остановит отток квалифицированных кадров из бюджетной сферы, но в перспективе окупится даже с экономической точки зрения за счёт создания новых технологий, квалификации работников и качества товаров;

- реализация принципа: коммерческому искусству — коммерческие цены, высокие налоги, контроль общественности; народному и классическому искусству — низкие налоги, государственная поддержка и общественное меценатство. Прямое законодательное предписание государственным средствам массовой информации выделять часть эфирного времени образовательным программам, сделать их приоритетными по сравнению с развлекательными, — предписание, подкреплённое налоговыми льготами для всех средств массовой информации в части реализации ими образовательных программ. В этом случае “четвёртая власть” активно способствовала бы не деградации и дегуманизации личности, но её просвещению и развитию, повышению престижа образования;

— ревизия государственных образовательных стандартов и учебных программ, начиная от детского сада и заканчивая школами и вузами, на предмет увеличения (в меру возможности предметных областей) материалов человековедческого, патриотического, экологического и духовно-нравственного содержания.

Совершенно очевидно, что этот перечень не исчерпывает даже основных направлений корректировки государственной политики, необходимой для того, чтобы приоритетное развитие сферы образования, провозглашённое законом, из декларации стало реальностью.

Важно другое: только принципиальная корректировка всей государственной политики позволит принять, а главное — реализовать российскую Национальную доктрину образования.